

Приём ИНТЕНСИВНОСТИ в пятилогии П. Овсянкина и М. Ананченко
«КЛЮЧ ОТ ЛАБИРИНТА»
(подборка примеров сделана Е.В. Поликарповой)

И за границу вместе поедем. Чтоб сразу. Чтоб не когда вырастет, потрясенье от того, что там за **каждым углом** по университету», – правее королевской короны он нацарапал шпиль Марбургского, основанного Филиппом Великодушным, университета 4-2-182

И сам к чему... Всё – чужим. Всю нашу ломоносовскую историю... Всё – до лужайки, на которой вонзённым кончиком косы знакома **каждая кочка**. До нашей берёзки, что посреди пашни...» 4-2-183 МНЕ ЗНАКОМА РЕАЛЬНО КАЖДАЯ КОЧКА ГДЕ КОШУ!

Указали ещё Ломоносову, где наперёд деньги получить, чтоб пропитание там и другое... Так всем-то наперёд не дают. У них там вообще задерживают... А бывало, что сукном... – тут застёгнутый на все пуговицы человек подумал и добавил, – я вот что... Теперь больше не о Ломоносове заботился бы, а о ректоре. Такой, если не успокоится, страхом весь Китай-город поверх стен заполнит. Иль что удумает... 4-1-509

Ты, Алексей, ружьё заряженное каждую ли ночь меж собой да женой похрапывающей кладёшь? – владыка Феофан, прищурясь, не мигая, смотрел на Макарова. – Простыни льняные маслом ружейным пачкаешь! 4-1-480

Выражение лица его менялось прямо на глазах. В удивлении, перетекающем в изумление, он смотрел на Ломоносова. 4-1-449

И Мотя, в волнении за него, придвинулся и ухватил Мишин рукав. – Так надо! – повторил он за Ломоносовым. – Тут колонны угловые тянут храм вверх, а до ростовского всё равно никогда не... – Да не то! – Миша так дёрнул его за рукав, и Мотя понял, что если б им дальше Москвы ехать, так он точно остался б в безрукавке. 4-1-474

Круг жизни, по которому идёт человек, сужается порой до столь малого кольца, что и младенцу на мизинец не налезет... 4-1-448

Он обернулся к попутчику и ошарашил того ещё большей глупостью, к ниточке беседы тройным узлом канат удивления привязав: – А где ноне та ваша негра чёрная? Которая мне родней? 4-1-443

«Остановилось, стоит моё время? – подумал Миша. – Третий уж раз всё первый час». 4-1-351

От неожиданного появления брата, сопровождаемого громом колокола, Иван выронил книгу. Кот сперва шарахнулся в сторону, а потом укрылся на подоконнике. От волнений прошедшей ночи, оттого, что волны задуматься заставили, от возбуждения перед предстоящим, и потому ещё, что уж никак не ожидал увидеть здесь, среди книг, отца, Миша смотрел на него, будто впервые видел. 4-1-344

Колокол ударил в третий раз. От молчания Ивана, оттого, что Миша вот так встретил, от предыдущих дней да всей жизни переживаний в глазах у Василия Дорофеевича последняя надежда на самое дно зрачка за накатывающуюся слезу спряталась 4-1-344

Сухая, случайно попавшая в сено дудка свисала с саней и бороздила по снегу: «Интересно, на сколь от бороздения травинки лошадке тяжелее воз тащить? Заметит, если сейчас вот подберу

сухую?» Подхватив невесомую шубницей, он тут же сел и посмотрел на лошадь. Коняшка бежала, как и прежде. «Иль всё же чуток побыстрее? Ей ведь теперь легче. Как, чем такое малое влияние измерить? Можно ли придумать какой измеритель? 4-1-309

– А, «мы Ломоносовы!» Михаил! Всех тараканов-то, оглашенный, выбил? Да и не отвечай, вижу: ещё больше к себе подманил. Механикой интересуешься? 4-1-293

– Я б тебя и сейчас к нам в учителя, – Иван Каргопольский грустно улыбнулся: – Да вот если ты всех такими-то вопросами заваливать начнёшь, так вся словенская школа разбежится. А у нас и так сорока учеников нет. Ты либо науку подымешь, либо себя и всех, кто вокруг, в сомнениях утопишь. 4-1-292

– Почему вот вы бороду бреете? И иноземцы без бород ходят, и люди наши чиновные. А отец мне бриться запрещает. Ведь это же совсем ерунда. А возвели её... выше грот-мачты. 4-1-292

Он на плечевую кость кита опёрся. Нижняя челюсть зуйка вниз пошла и в сторону отъехала. Нос сморщило. Глаза скруглились, и весь он навроде той нерпы, что из лунки воздуха глотнуть выкорнула и в медведя ткнулась. «Последний жизни миг. Ужас! Неужто и вправду... Питибург?!» 4-1-207

Домой придём, я тебя к тётке Шуше сведу. Только в потёмках идти придётся. Ну... Понимаешь... У неё на красных грибочках в зелёного стекла бутылки такого настояно. Ты и Вологду посмотришь, а если ещё с полынью, так и новый Питибург. 4-1-205

Он оглядел палубу: всё вокруг было завалено костями огромного кита. Позвонков только что не сотня. Кисти вон к мачте привязаны 4-1-204 *** В позвоночнике горбатого кита шейный, грудной, поясничный и хвостовой отделы; в нём от 41 до 98 позвонков. Грудной плавник поддерживает короткая плечевая кость, две кости предплечья и кости кисти, иногда слитые в лопастеобразную структуру.

Ты, Михайло, с отцом на сойме завтра, поди, за таким пойдёшь. Насмотришься. Намеряешься. Багорик-то взять не забудь. А то собой замерять придётся. Двадцать зуйков с коленом от хвоста до уса. Четыре с половиной зуйка по плавникам. На шняке все заулыбались. Миша ответно засмеялся: – Двадцать зуйков с коленом... Сидели молча. Качались на волнах. Гриша Шагин вдруг сказал то, что каждый из них про себя думал: – А может, это тот? Второй? 4-1-198

Ветрами выдулось всё пустое, что жизнь нанесла. Лишь одно неизменно осталось: высоту помыслов своих он только с небесными сполохами равнял, убеждения – со скалами гранитными. 4-1-190

Силы ушли. Их на работе, в лесу оставлял больше, чем оттуда приносил. 4-1-188

Утопит! Те шарики тебя на голову выше. А весу в них... Весов таких не выдуманно. Да и были бы. Как такую каменюгу поднять на них? 4-1-181

Да только где там! Вернулся и из-за двери ещё услышал: – ...и в бухте все во льду и по гальке они, и повыше к вершине. Только что не катятся да не летают. В общем, их там, что у того барана под ёлкой. Есть которые наполовину в землю ушли. Которые надколотые. Будто яблоки надкушенные. Пробовал их кто? Только все они по берегам. То мы потом углядели. В центре острова нет их. Приплыли, что ли? Да только это уж невозможно. Один такой нашу сойму ко дну пустит. 4-1-180

А там земли этой! Кругом островами понатыкано. Махонькие есть. Как гороху кто насыпал. 4-1-180

*** 193 Имеется в виду Земля Франца-Иосифа – архипелаг в Северном Ледовитом океане. Официальное открытие архипелага состоялось во второй половине XIX в. В 1762 г. М.В. Ломоносов предсказал наличие в центре Арктического бассейна островов, влияющих на направление морских течений. В труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763) он высказал предположение о наличии островов к востоку от Шпицбергена. 194 Новая Земля – архипелаг в Северном Ледовитом океане между Баренцевым и Карским морями, название с к. XV в. встречается в зарубежных источниках. Поморы называли её «Матка» – возможно, из-за богатства животного мира

То что, – Василий Дорофеевич зевнул и, будто нехотя, начал. – Из вас с Лукой кто на краю бывал? – На последних островах¹⁹³, что ли? – Иван Малгин тяжело вздохнул. – Еле тогда вырвались. Такой лёд. Я туда больше ни за что! И тогда-то по дури...4-1-179

– Мы туда ни в жизнь не хотели. Нас тогда у Матки – ну, Новой Земли то ж, льдами зажало и понесло. Компас прямо на север кажет. Все дни в чистых рубахах, с жизнью попрощавшись, лёд скальвали да дрейфовали, невесть куда. Ганька Верещагин так и вовсе заговариваться начал. И когда он под утро в крик: «Землю вижу», ему сперва и не поверили. 4-1-179

Глава 20

ДОЛЖНО БЫТЬ ОНО,

НЕПОСТИЖИМОЕ.

ЧТОБ НЕ СПАЛОСЬ ЛЮДЯМ...

Июль 1726 г., Кеккурское становище

4-1-179

Да в ширину... – он медленно обошёл камень. – Тут и впятером не охватить. А весу в нём? Я вот этакий подниму, – сам себе показал руками величину камня. – Пусть, три пуда. А тут?» Он пытался сравнить объёмы: «В этом, по малости самой, полторы сотни. Это значит, больше шести ласт. 430 пудов. А Матвейка его треской сушёной перевешивал. Тут тех рыбин... Отсель и до Курострова. Ежели хвостом к голове укладывать. 4-1-176

Миша с первого захода туда, когда хлеб местному гарнизону в острог доставляли, помнил, сколь неприятно поразило его тамошнее молоко. Оно не травой луговой – треской пахло, которая там повсюду. И разговоры только о ней. Развешенная везде сушилась. Бочки с ней катали. В море непойманная она. Да всё там о ней, с ней и для неё. «Хочешь не думать о рыбе? Одно только и осталось – голову к небу поднять. Косяки там пока не ходят». В тех краях казалось, что человек для того и рождён, чтоб ловить рыбу, питаться рыбой и, её продавая, других к ней приучать. «Бедные коровушки... Кормясь треской, они никогда не узнают вкуса клевера, люцерны, мятлика» 4-1-169

– А мели? – Миша вглядывался в едва выступающие из воды песчаные островки. – Банки¹⁸¹, по-нашему, по-морскому. А вон у берега – кошки. При отливе видны. Василий Дорофеевич усмехнулся: – Их, ежели они из песка, и чайки не помнят. Сегодня кошка есть, а завтра уж и след простыл... Убежала. Разрыла песок. 4-163

– Так о тяге. Как придём к Мезень-реке, запасись ниткой покрепче, да у Якима спроси гардамán¹⁸⁰ и рот сам себе зашей. А то от той тяги, что увидишь там, он у тебя от удивления да желания познать, как у рыбы-сом растянется. Тебя потом в деревне никто не узнает. 4-1-160

Вот сам бы я, Каргопольский, сейчас дверь высаживал. Скамью отодрал бы – и по двери. А Ломоносов?! Танцует! 4-1-131

Артельщики стояли, в растерянности глядя на кормщика. Иван Малгин, за борт держась и на воду двинскую хмуро смотря, даже ростом как-то меньше стал. Ося Рязанов от удивления застыл у румпеля. Якушка Рычков, не зная, чего далее ждать, переводил глаза с Ивана на Осю, потом на Василия Дорофеевича. Федюня Зеленков, до крика об игрищах и амурах не знавший, как икоту остановить, от испуга икать перестал и даже того не заметил. Гриша Шагин замер. Лёвушка Сидоров загадочно и както тяжело вздыхал. 4-1-131

Напротив, через окно, виднелось лицо возничего Гаврилы. Из сеней Томми выглядывал. «Эти, в случае моего позора, вести по всему Архангельску в час разнесут». Он живо представил, как пёс несётся к Рыбным рядам и там, собрав вокруг себя лохматую свору, радостно пролаивает новость: «Ломоносов на пасье в первой же фигуре своей ногой о свою другую зацепился. Смеху среди дам было! Гав! Хгав! Гав!» 4=1=127

Миша взмок. Капелька пота побежала по спине: «Отчего она-то холодная, коль я горяч? 4-1-125

Объявили, что последуют танцы. Миша пальцы сжал, башмак изнутри ухватить пытаюсь. Руку отвёл, чтоб не так кафтан жал, и стал бояться. Вот увидел бы кто его сейчас из деревенских или парни со становища. Иль мужики с корабля. Иль китобои с Териберки¹⁴⁴. «Лучше бы туда. На море. В шторм. В воду ледяну, чем здесь на полу этом лаковом да при свечах ярких 4-1-125

Миша ждал, что инструмент заиграет как в кирхе. «А тут! Звук такой, как будто кто цепью гремит. Или вот, как колокольцы малые на звоннице да при них поддужный колокольчик из дешёвеньких. Заунывно то. Может, оттого, что вино зелено, и тут тоска зелёная, – челюсть вниз повело. – Но нельзя же! – Миша собрался. – Надо учиться говорить по политесу: торжественная мелодия. Вон Пендель с Киниусом стоят и кивают в такт». И он тоже начал. Вниз да вверх головой. Так и вправду стоять легче стало. И от уныния балясины на лестнице считать расхотелось. 4-1=124

Пить надо. Так и выпил. Кислятина... Навроде клюквы перебродившей напололам с прокисшей брусникой, да ещё в последний момент рябины сунули. И сызнава не сплунешь. Опять улыбайся. Но зато, чувствую, хрящик проскочил. 4-1-121

Миша, как договорились, вид взрослый принял. Губы в полуулыбке. Веки полуприкрыты, чтоб блеск в глазах ответно попридержали. Да всё одно. Как встретятся с Китти глазами, вся хитрость их пропадает. Вспыхивают. Хоть свечи гаси – столь вокруг светло. 4-1-120

Вот и улыбались оба. Кто кого шире. Скоро рот от улыбки сведёт. За весь прошлый месяц столько его не растягивал. А что, в Европах везде так? 4-1-115

И тут вот Каргопольский со значением про Верону. И замолчал. И Миша рот закрыл. – Неужто есть что в мире этом, тобой не читано пока? – складно, как у Симеона Полоцкого в «Псалтири рифмованной», будто из книги прочёл Каргопольский 4-1-112

Сколько народу мимо угла, за которым Миша прятался, прошло? Со сколькими здоровался? На сколько вопросов о морской удаче отца ответил? А с кем ни говорил – глаза на дудинское крыльцо. 4-1-57

Василий Дорофеевич остановился: – Ты вот что... Что бы там сейчас ни услышал, молчи. Книгу хочешь? Вот и не встречай. И глаза в пол. А то их блеск таким монеты блеском мне выйдет... И вообще. У крыльца побудь. Нет, лучше домой ступай. А то ещё вздыхать начнёшь да

подпрыгивать. Цена, на тебя глядя, и вскочит. Иди, Мишаня, иди, – и он зашагал, догоняя Дудиных 4-1-57

Когда смеркаться начало, его вдруг пронзило: «А можно ли так о божественном слагать? Может, книга запрещена, как старообрядческие? Оттого и прятала её мать?» Отбоялся быстро. Как только слова начали вновь качать его на своих волнах, так и забыл он о страхе. Да и кто ж такое чудо запретит? 4-1-49

Фенька, недоенная, уж не мычала – сипела в хлеву, тяжко, на весь мир, вздыхая. 4-1-50

Глаза того искрились, как головёшка, по которой кочергой ударили. «Если бы дед этак вот не смотрел! Хотя чуточку поменьше искр! Он бы ни за что...» 4-1-45

Он упёрся, и теперь уж ни о чём ином не думая, ни на кого не глядя, вымахивал, как заведённые часы. С выверенным ритмом и без лишнего звона. 4-1-38

Без сна, оттого что под ночь уж засыпал там, где работа застанет и, не проснувшись, с подойником брёл к корове, когда та от мычания к рёву переходила. А порой дотягивал и до худшего, когда она, выдохшись, стояла и вздыхала по-человечески. 4-1-30

«Откуда берутся? Как горят без жара? Светят без солнца. Каким арканом тянут к себе, что глаз не отвести?» 4-1-20

У Евдохи личико махонькое, нос один да глазки. Щёчки впалые, губки всегда сжатые, будто зубки наружу просятся, а она их не пускает. Из-под платочка ни волоска никогда не выбьется. В деревне никто не знал, какого цвета у неё волосы. 4-1-25

Василий, при разговорах о своём судне всегда сидевший насупясь, вдруг заговорил. Будто давно обдумывал. Голову вскинул, руки заходили. От него столь много слов за неделю ране никто не слышал, а тут, как пономарь по книге, да с придыханиями, да выстраданно: 3-142

И свету-то осталось в коридорчике – только от малого окошечка да от огромного желанья Еленки сына спасти. Но и того хватило, чтоб дойти до крайней по левую руку двери. Толкнула она её, не стуча. Не спрашивая позволения. Так вошла, только успев в темноте мысль мелькнувшую прочесть: «Будто бедою к братьям вхожу. Без спросу». 3-118

Елена опомнилась только у Двины. На полоскальне на колени опустилась и брезгливо смывала с рук ощущения от чёрных жирных волос. После плат с головы на шею стянула и водой с лица сомнения смыть пыталась. Да только они уж прижились, своё место в головушке её заняли, и никакой водой их не унять. Они теперь с ней до конца. Они теперь за главных... 3-109

Она сама отпустила, когда услышала от того скулящее: – Наговорил. Оговорил. Отпусти, бешеная. 3-106

На пятно мокрое, что крыльями ширилось и сползло вниз по сутулой спине тучного ямщика, что сидел справа. А тот, что слева, в то время руку сутулому положил на плечи, привалился к нему и гундел в ухо: 3-106

И сейчас бы от услышанного выскочить на улицу, да встать не могла. Словно дёгтем кто намазал скамью, и не сойти. И не слушала, да слышала жуткое. Сердце билось, на слово каждое отзывалось глухими ударами. Руками за край стола держалась. Пальцы от напряженья побелели. 3-106

Вон в прошлый год на ближних покосах Дуняшка с мостков через Ламукурью оступилась. И падать-то там – кура спрыгнет, крыла не расправит. Да вот нет больше дитя...» 3-83

Только вот всю жизнь на советы не мастерица. 3-59

Давно столь безудачно не ходили. За весь промысел взяли-то! Солёной да сухой трещочки, лабардана¹¹ ещё ладно, – он развёл руками, помолчал, – а вот жира трескового... – Лука охнул. – Две только и радости, и то не людям. Первая – бочкам. Скатались порожними. На море поглядели и девками вернулись. Да ещё для соли веселье. И половины её не тронули. Сейчас, поди, к следующей путине готовится. Сама себя просаливает, – он опять замолк. 3-47

Задумалась: «Как так бывает? Один говорит без умолку, бьётся перед другим, а ответно одно слово услышит – и всё, равновесие».

3-44

Ране всё одну присказку за десять оборотов по разу повторяла: «Молола б без устали мельница, да баба попалась бездельница». А дело к концу подошло, так другое вертеть начала: 3-41

Не молчи! Ты с прошлой бани молчишь! Изводишь меня всю, – она вновь ухватила Еленку за руку. 3-43

Она у нас с детства – не цветок лазоревый, а луг огромный, разнотравье июльское. На всё у неё свой цвет подобран, на вопрос любой припасены кузнечика стрекотание, шмеля мохнатого неспешный полёт, стебелька покачивание, запах острый полыни. Вся она созвучна небу синему. Глубине его. Всякая звёздочка ночная найдёт сестру свою, василёк синенький, ромашку белую, иван-чай малиновый на заливном лугу её. 3-36

Вот сегодня их «воронежской кобылке» – так соседка Хрисовна толкует, – «шлея под хвост попала». А сегодня враз началось. Без разгону. Шлея, видать, широченная. 3-20

В махонькое окошко света пробивалось на четверть страницы. И всё ж Елена достала из сундучка тяжеленную дедушкину ещё Псалтирь. От дедушки больше и не осталось ничего. Как переехали к Холмогорам, так месяца не прошло, пришла от брата весточка: схоронили дед 3-18

На солнышко забежала одинокая тучка, столь малая, что прикрыть своей тенью смогла лишь крайние дома и скамейку на краю обрыва 3-15

Народу кругом! Стоят все смирно. Видать, уж оттолкались. Примирились с соседями. Ждали недолго. Первыми чуть не в голос зашептались те, которые в храм не вошли. Которым под дождём мокро. Шёпот тот волной до иконостаса докатился и схлынул. Вторая волна за царём шла. Улеглась, когда остановился он. 3-10

Он для страны и время ускорил. Научил ценить. Обгонять. Измерял его не календарями да праздниками, а смелыми планами, потрясающей новизной, великими помыслами. И быстрее для него шло оно, когда намерений добрых много было. И особенно ощущал он ход времени, когда высоки были думы его. Он столько познал про время, что оно нашло в себе для него вечное место. 2-475

«Сам двигаться пока не могу, мир до кровати и потолка ненавистного сузился. 2=467

А теперь... Резало, крутилось внутри так, что казалось, остановилось оно, время. Как указала часовая стрелка на боль, так и замерла. Когда чуть полегчало, он часы велел вынести. Пусть на этом всё задержится. Да по теням всё ж заметно было, что приближается следующий приступ. Тогда окна зашторили. Так свечи собой время укорачивали, боль приближая. Нет исхода от времени. Да и исход – это ход. А уж порой хотелось, чтоб не было ничего. Когда внутри от

страшного, остро заточенного резца, казалось, кровь останавливалась, он в беспмятство впадал. В миг, когда возвращался, сразу ощущал: возвращался не к жизни. К боли. 2=465

Мысль перекинулась на другое: «Вот старик Митрич всё понять не мог, зачем минуты в часах. Говорил: „При батюшке твоём знали четверть часа, и то казалось точным. Того хватало”. А для меня ещё б придумали что, минуты меньше, так использовал бы для дела. И ту бы малую берёг». 2-465

Эх, увидеть б, как корабли по каналу Ладожскому пойдут!412 Персию утихомирить413. На Мадагаскар сызнова суда снарядить. И экспедицию в Америку: дивись, Европа, знай, Китай, наших 2-464

И того интереснее: когда на ассамблее у Толстого муж мой, Александр Иванович Румянцев, ручку мне при Петре поцеловал, назавтра отослан был в Стокгольм. С поздравлениями к Фредрику, три месяца как королём шведским избранному. Вспомнил. Через четверть года... Экий ревнитель права первой ночи...»

За ним разные сбегают, суетятся, по ступенькам учтивость каблуками выстукивают. Кланяются. Шум от них и от Шумахера волнами идёт. 2-443

По левой лестнице, карету признав, бойко перебирая ножками, сбегал Иоганн Даниэль, который в России окраску на Ивана Данилыча поменял. Паричок развеивается, ручки взлетают, улыбку ещё за дверью верёвочками привязал. 2-443

Макаров обернулся к владыке Феофану. Ждал. Ждал, что тот спросит, не удержится. Но тот хитёр: хоть и видно было, что сил мало осталось, чтоб сдержаться от распираемого любопытства, губы сжал и молчит. Уж когда засопел, давая понять, что взорваться может и бед обивке кареты наделать, Алексей Васильевич пожалел его: 2-441

– А не забоишься, коль скажу? Тебе одной царёвой тайны мало? Доверить имя? Владыка рукав макаровский выпустил: – Пред тобой в час глупостей наговорил больше, чем пред другими за год 2-440

Провели их показательно, где надо, глаза раскрыли на то, что видеть никто не хочет. За дверьми приоткрытыми подержали, дали послушать, что век бы не слышать. После посидеть предложили на кушеточке царевича. Да то уже лишне было. Они и не скрывались. Сами б записали, коль дрожь бы не била 2-440

Владыка Феофан бегло перекрестился: – Ты лучше, Васильевич, толкуй, как я от тебя слышать привык. Фактами да посуше. А то подо мной от твоего красноречия сыро будет. 2-439

Макаров поморщился и от боли в голове, и от рассказа предстоящего: «Вложи, Господь, в уста слова, за которые никогда б стыдно не было. Ибо нет слов, за которые в застенки бы не потащили. Тут ведь всё у того, кто слушает, в руках». 2-439

Макаров поморщился и от боли в голове, и от рассказа предстоящего: «Вложи, Господь, в уста слова, за которые никогда б стыдно не было. Ибо нет слов, за которые в застенки бы не потащили. Тут ведь всё у того, кто слушает, в руках». Слова иноземные. Весьма много их за годы Петровы в Россию ввезено. Возами посуху да в трюмах. Да уж что сделано... Не назад же вывозить. Накладно станет. Да и не собрать. Намертво прилипли они к чиновничьим языкам. То простому человеку они ни к чему. А казённым людям без них и нужды не справить. Они ведь в нужник-то не ходят. Ни одного чиновника в прямопадающем нет. Они там не смогут. У них политес не тот. Они своё только в ватерклозете исполняют. 2-438

Так ты и пишешь, как указы. Только что во рту, читая, от сухости язык не трещит. Никакого сочувствия. Хоть бы где знак восклицательный поставил. Одни нагольные факты и цифры. Меня к тебе он и приставил, чтоб потомки не на первой странице зевать начали. Тебя и слушаешь, так зеваешь. А уж когда читаешь... – Зато правда у меня – что в строчках, что меж. – А тем, кто читать будет лет через сто, а вдруг и через двести, кто о нас вспомнит, – нужна сонная правда иль гордость за Отечество? Пишешь вот о взятии Нотебурга: «Утром в шесть начался штурм. После семи пополудни бой завершился». Так? 2-435

Он помолчал до поворота, поелозил, вдавливая соседа ещё плотнее в угол, и добавил: 2=432

И интересно что, – Алексей Васильевич палец приложил к губам («тс-с-с, никому»), – вот он у себя голландской плиткой, которой цены нет, не то стены до потолка, но и потолок от стены до стены обделать велел. А самому Пётру Алексеичу во дворце его только до пояса закрыть денег хватило. Кто сие открыто объяснит? Не вот как мы, тут закрывшись, и без пятого уха, а чтоб при всех. На людях! Царь, коль плиткой мерять, и пятой части того не имеет, что у Светлейшего, безродного Данилыча в закромах! И почему так? Как можно этаким-то завладеть за тридцать-то три года? Усадьбой своей Васильевский перегородил. От Невы до Невы. Десятая часть всего и всеми завоёванного здесь его! Это что – всё за службу верную? Как так? Работают все сутками, а один при том на золоте фазанов ужинает, а остальные, с царём во главе, на тарелках кашу перловую размазывают! 2-430

Ване и самому казалось, что он рождён для подобного. Подать что иль забрать от кого. После выучился наблюдать и молчать. Чтоб подавать ране, чем попросят, и забирать скорее 2-414

А у того слюнки уж всякую воспитанность почти по горло залили. Готов ринуться на кухню и хоть что из рук повара выхватить. 2-405

Так бы мягонько и историю эту в истории оставить. 2-400

По Неве идёт, палит чуть не каждой встречной волне! Победа! Мир подписан. Вечный! Со шведами. 2-395

Разговору потом по обоим берегам Двины на четыре дня будет. А тут! Европе они ближе иль от истоков далее? 2-395

Познакомились они после того, как пятый раз выслушали куранты, что по четверти часа отбивали. 2-395

Те без раздумий, не слушая криков враз ставшего самым несчастным во всём Петербурге человека, выволокли его прилюдно, под улюлюканья, за первую цепь охраны. Хорошо, сюртук Афонин не порвали. Кругом в народе посмеялись сперва, затем, как водится, посочувствовали: 2-389

Пётр, руки за спиной сцепив, надвигался на плотного, в отца Фёдора, Никифора Баженина. Нависал над ним. Взглядом плющил. Кричал: – Ты, дурень, ополоумел с вечера, а с утра уж и вовсе безумен? 2-381

Вроде как полегче. Владыке Афанасию не сказав, направил в те леса своего человека с малым отрядом. Но тот ещё не вернулся, как от Афанасия весточка: Твои люди, Государь, от Хиж-озера не той протокой вышли. Плутать будут. А ещё хуже – своим воинским платьем разговоров наделают ненужных. Отозвать бы. 2-125

Что он один красоту его и понимает. Что не родись он, так и серо всё кругом было б. А то дак и вовсе ничего бы не было! А того не понимает, что Господь и создал его, человека, чтоб он

творением его восторгался. Творцу без зрителя боле пяти дней, ну ладно, боле недели, не прожить 2-133

Что, и у владыки Димитрия перо отымешь? Так и у меня вырви! Истопчи. Оставь только у дьяков, что указы твои строчат. И стой, следи, чтоб меж указов лишней капли на бумагу не уронили. Ты на ночь-то со всего государства перья вели тебе под кровать сносить. Что монахам нельзя перья да чернила в кельях держать, то сам удумал?! А вот кто тебе нашептал указ о том, что писать нельзя, запершись? Себе-то веришь? Может, сам на себя ночью левой рукой пишешь, а утром, трясясь, почерка не узнавая, читаешь и сочинителя сыскать велишь? Всех-то нельзя подозревать! Аль ты такой? Коль никому не доверяешь, значит, ты из своего государства врага себе сотворил! Иль родился врагом государству? 2-118

Продавец глаз прищурит и такое сказанёт, что хоть толмача рядом ставь: 2-107

Да тебя изнутри надо мочалой продрать, дак и то одного раза, чтоб перегарный твой смрад извести, мало. Вывернуть бы тебя да пропарить венником вересковым, – Кирилл Алексеевич Нарышкин, отступив на полшага, поморщился, помолчал и добавил, – трижды. С тобой в одной избе на барке никто боле ночи провести не может. Все на палубных досках мёрзнут! Поклонник ты Бахусов. 2-96

Нет ни в дороге, ни в Архангельске, ни во всём твоём государстве угла без пятого уха. А то, что скажу тебе – сам себе, про себя же самого даже не шепчу. А когда спать отправляюсь, чтоб во сне кто мои мысли не уловил, шапку мехову надеваю и в соседних покоях слабоухих на дежурство отряжаю 2-94

яблоки, почему-то сунул их Любушке в сумочку. Расстались на крыльце с клятвой обязательно приходить на все вечера встреч. Эту клятву Любушка сдержала за всех четверых! 5-389

*** «Библиотека может кормить! Клятву надо исполнять! Интересно, сколько в университете факультетов?

Любушка назавтра рассчиталась, дом в неделю продали и, на деньгах всю дорогу по очереди сидючи, в областной центр, в Архангельск. 5-379

Целыми днями сидеть в квартире было невозможно. Любушка стала замечать, что разговаривает уже не только с собой, но и с телевизором, и что совсем уж, по её мнению, было дурным знаком, с затёртым холодильником. Правда, те ей пока не отвечали... А ведь целый город людей!

Однокашники поразъехались – порастерялись. И из знакомых только Танюшка да лающий пёс... 5-383

На сумме пять миллионов сто тысяч победитель был определён. Отточенное до острия, на котором трепещет человеческое сердце, искусство аукциона поставило сегодня яркую точку. 5-368

Через тонкую подошву элегантных чёрных туфель он ощущал каждую букву слова London, латунью выложенного на бетонной, с мраморной крошкой мостовой. Мужчина почти ничем не отличался от миллионов лондонцев

Заметно прихрамывая, повернул с Урицкого на Ломоносова, пересёк по светофору проспект и мимо обшарпанных ещё с тех лет, когда учился в школе, пятиэтажных хрущовок пошёл к зданию библиотеки. 5-358

Корешок с удовлетворением заметил, что мало кто из собравшихся знаком друг с другом. Многие держались особняком. Так оно и понятно: люди съехались со всего города. Большого везения придумать было невозможно. 5-358

Вот моё древлехранилище! – с восторгом произнёс собиратель и слегка потряхивая, сжал Серёжкину ладонь. – Вся моя жизнь, – произнёс он, **сам испугавшись** подведённого итога и откровения 5-324

Она помолчала и, склонив седую голову, произнесла слово, везде и всюду написанное для неё заглавными буквами: – СТИХИ 5-355

Да, да! Почки совсем отказывают. Хожу худо. Подагра! Не поверишь, ночью порой просыпаюсь от боли: одеяло по больной косточке на ноге ударило... 5-323

Всё складывалось даже лучше, чем предназначал ему Семнадцатый. Корешок стал подсобным рабочим в книгохранилище библиотеки, обладающей богатейшим фондом редких книг. Он изучал нормативную документацию, как обеспечивается книгохранение, быстро разобрался, как организована система каталогов и картотек. Поудивлялся тому, что на первом месте в библиотеке стоит сохранность фонда, а вовсе не выдача книг читателям. Жил в четырехместной комнате общежития, что на улице Герцена, недалеко от бывшей усадьбы Ломоносова. Особенно повезло с одним из соседей. Вологодский паренёк в очках с сильными линзами учился на втором курсе библиотечного отделения. Он разрешил Корешку пользоваться его учебниками. Стоило Сергею протянуть руку к тумбочке, и из горки книг он мог вытянуть пособие или конспект по специальным библиотечным дисциплинам. Особенно его интересовало, как комплектуется и учитывается библиотечный фонд, как обеспечивается и как часто проверяется его сохранность. Целый год он постоянно занимался вечерами и к очередной зимней сессии, пожалуй, сдал бы профильные экзамены куда успешнее вологжанина. Со временем Корешок стал настоящим экспертом в области обеспечения сохранности и доступа к редким книгам. Вечерами по учебникам изучал историю. Читал о цепях, которыми в средневековье приковывали книги к полкам. О хитрых замках и тайных задвижках. О маскируемых от чужих глаз коврами, гобеленами и раздвижными шкафами дверях к книжным коллекциям. Начал покупать книги о собирателях, первыми из которых были Соловьев, Смирнов-Сокольский, Обольянинов, Битовт, Верещагин... 5 Днём в библиотеке он запоминал расположение различных датчиков, электрощитков. Быстро разобрался, как работает экстренное оповещение, изучил системы вентиляции и пожаротушения. С закрытыми глазами показал бы пути эвакуации. Знал, как работают охранники и где хранятся запасные ключи от сейфов и хранилищ. А еще примечал привычки сотрудников, время чаепитий по отделам. Не ускользнули от его прищуренного глаза даже сугубо индивидуальные манеры использования библиотекарями штампов для восковых печатей. Ещё к концу второй недели работы он догадался, 5-317

Ключей было много и все не от типовых запоров. От сувальдных замков с большим количеством выступов и зубцов, шведский ключ для замка с повышенной секретностью и стальной ключ неизвестной Корешку системы, который он посчитал самодельным. 5- 322

Не ускользнули от его прищуренного глаза даже **сугубо индивидуальные манеры** использования библиотекарями штампов для восковых печатей 5-315

Лысеющий господин с первого ряда нервно развернулся к новому 311 сопернику, улыбка медленно сошла куда-то за галстук его костюма. 5-310

Но всегда ли надо ломиться в запертые двери? Подъезжать на чёрных чиновничьих авто, доставать корочки разных сверх- и просто секретных служб, потрясать журналистскими микрофонами с известными миру логотипами, убеждать, что в Вашем блоге миллионы подписчиков? 5-288

Тишина стояла от соединения Сухоны и Юга... Да нет, с истоков. С молчаливого родничка на Вологодчине и до первых песчаных беломорских островов. 5-278

К каплям тающего с крыши снега присоединился дождик. Ветер с Новгородского гонял по стеклу слёзы уходящей, прощающейся с городом зимы. 5-79

И ключи так сжала, что они ей в руку врезались. Только что не до крови. Вот чего она? Ей бы автомат, так она б... Так и стояла, пока мы от общаги не отошли. Прямо часовой какой-то. 5-130

Мышь, уже который день сидя под кухней, в ходу, прогрызенном ещё её глухой с рождения бабкой, твердила: – Как надоели они со своими каляками! Приличные люди зимой снег разметают, с весны на грядках. Ведь много чего полезного вырастить можно. Горошку там, зерна какого... А эти месяцами из дома не выходят и ещё двух котов при себе... Уйду к адекватным. 5-269